

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ПОРЕВОЛЮЦИОН- НОЙ МОЛОДЕЖИ

Пробуждение в русской зарубежной молодежи творческой мысли о будущей России заслуживает глубокого сочувствия. Творческая мысль возможна лишь при пореволюционном настроении и направлении сознания. Направления дореволюционные и революционные творческой мысли уже не имеют, идеологии их взорваны и не могут уже вдохновлять.

Эмиграция первоначально была дореволюционна и в преобладающей своей части реставрационна по своим идеям и настроениям. Но ошибочно было бы думать, что существует только правая дореволюционность. Несомненно существует и левая дореволюционность, которая до революции хотела революции и готовила ее, но была извергнута революцией в известный момент ее развития. Так, например, правые социалисты всех толков, радикалы и либералы могут быть признаны дореволюционными, старорежимными направлениями. Эти направления и сейчас противопоставляют февральскую революцию, как настоящую, чистую и благородную, — революции октябрьской, — извращенной, грязной и неблагородной. Но это противопоставление и доказывает их дореволюционность, ибо настоящая, вполне созревшая и осуществившая себя революция есть несомненно революция октябрьская.

Дореволюционные направления, и правые и левые, создались в атмосфере совершенно иной, чем та, которая образовалась после революции. Те отрицательные аффекты, которые вызвали у нас дореволюционную революционность, исчезли и заменились совершенно иными аффектами. Наша старая революционность обосновывалась мирозерцанием, которое не только

претерпела кризис, но и разложилось. Старый интеллигентский радикализм и старый интеллигентский социализм потеряли пафос и не имеют уже никаких глубоких идеологических обоснований. Социализм перед лицом коммунизма защищает либеральные начала и даже капитализм. Но напрасно дореволюционные консервативные направления думают, что обанкротились только левые дореволюционные течения, — сами они обанкротились несколько не менее. Правые направления должны во всяком случае разделить с левыми ответственность за ужасы революции, они повинны в них гораздо более. И они хотели бы к ужасам революции прибавить ужасы контр-революции.

Мы живем в эпоху крушения и банкротства всех старых политических идеологий — консервативных, монархических, националистических, буржуазно - капиталистических, либеральных, демократических, социалистических. И банкротство это связано прежде всего с крушением духовных основ дореволюционных миросозерцаний. Материализм нашел свой позорный конец в современном коммунистическом материализме. Разложился старый позитивизм, он изгоняется из самой науки и старая рационалистическая вера кончается. Но кризис переживает и та форма христианского миросозерцания, которая слишком была приспособлена к господствовавшим в дореволюционной жизни слоям общества и не ставила даже задачи осуществления христианской правды в социальной жизни.

Христианство проходит сейчас через очистительный огонь, оно углубляется и одухотворяется. И лишь после этого сможет оно дать обоснование новому социальному миросозерцанию, которое не имеет еще имени. Оно одинаково будет отличаться и от капитализма и от коммунизма, от индивидуализма и от деспотической власти общества над человеческой личностью.

Но как отнестись к революции с точки зрения пореволюционного сознания? Эмиграция первой формации, связанная еще с гражданской войной, не хотела признать факта совершившейся революции и это признание считала одиозным. Сознание пореволюционное должно совсем иначе отнестись к революции. Оно должно принять на себя огромную ответственность. С двух противоположных концов, из России и из эмиграции, должна быть произведена переоценка революции и два разорванных

мира должны соединиться в подвиге преодоления классовых и корыстных инстинктов.

Можно видеть зло, ужас, уродство революции и всетаки признать ее смысл в судьбах русского народа. Революция есть, конечно, прежде всего расплата за прошлое, конец старой жизни, а не начало новой. Стихия революции сама по себе не есть творческая стихия, в ней слишком сильны аффекты злобы, ненависти и мести, слишком действуют инстинкты разрушительные. В революции догнывает то, что начало гнить в жизни дореволюционной, в старом режиме. Душевная структура деятелей революции создается старой, дореволюционной жизнью и деятели революции не могут освободиться от отрицательной власти прошлого, все творческие их начинания отравлены злобой к отходящему прошлому. Но никогда злоба и месть не могут быть творческими, созидательными. Революции нельзя желать, как нельзя желать несчастья и болззни. Желать можно только творческого реформирования и возрождения общества, лишь положительного осуществления правды. Революция и значит, что творческих сил не нашлось, что воля к созиданию, к обновлению жизни оказалась бессильна. Но когда революция произошла, когда она была решена на небесах, — нужно просветленно пережить ее, не быть слепым и глухим к совершающемуся, понять смысл происходящего, нужно быть со своим народом, разделить его судьбу. Отрицать революцию, не признавать революции есть словосочетание, лишенное смысла. Нельзя отрицать и не признавать тех изменений в строении земли, которые произошли в результате геологических катастроф и обвалов. Строить можно начать лишь на вновь образовавшейся почве.

Удастся ли вообще революция, удалась ли наша несчастная революция? Если под удачей понимать осуществление идеалов справедливости, свободы, народного блага, которые вдохновляли революционеров до революции, — то такая революция не удастся; не удалась и наша революция. Но она удалась в другом смысле, она удалась потому, что она подняла вверх подпочвенные пласты народной жизни, что она совершила перераспределение социальных слоев, осуществила смену социальных классов. Революция призвала к активности рабоче - крестьянские массы, которые раньше к этой активности не были

допущены. К сожалению, она эти массы развратила лестью и лезвием. Но всякое политическое направление, которое считается с реальностями, должно прежде всего исходить из этого фактического результата революции. Революция сама по себе не есть еще творчество, не есть созидание новой жизни, но через нее поднимаются новые силы, которые будут творить жизнь. На известной стадии изживания революции новые силы ею выдвинутые перейдут к созиданию, к творчеству; это и есть положительный результат революции. Менее всего можно сказать, что официальное советское, коммунистическое строительство и созидание есть уже такой положительный процесс. Это строительство и созидание вдохновлены мирозерцанием, которое насыщено аффектами злобы, ненависти и мести — и они не могут быть творческими. Строить и творить новую Россию, новую русскую жизнь будут лишь те, которые освободятся от этих отрицательных и сатанических аффектов, которые переживут духовный кризис и усвоят себе новое мирозерцание. Этот процесс незримо в России происходит. Пореволуционность должна опереться не на силы дореволюционные и не на силы все еще революционные, а на силы, выдвинутые революцией, но переживающие духовный кризис и способные к творческому созиданию. Этот кризис и это искание новых путей принимают разные формы внутри России и в эмиграции. Если там это означает преодоление революционно - коммунистической настроенности, — то здесь это означает преодоление настроенности контр-революционной и реставрационной, тоже злобной и мстительной.

В жизни современных обществ сейчас существует мировая социализирующая тенденция, происходит в многообразных формах переход от индивидуалистической эпохи к коллективистической. Эта тенденция шире социализма. Путь индивидуализма, атомизма, либерализма — повидимому пройден до конца, плоды его пожаты в капитализме и в современной буржуазной цивилизации. Но никакого цельного и единого духа в мире нет сейчас. Усилия удержать либерально - индивидуалистический и буржуазно - капиталистический строй жизни или вернуться к нему — сейчас реакционны и обнаруживают нечувствительность к движению истории. Совершенно несомненно, что мир стоит сей-

час перед задачей создания новой социальной организации и что в ближайшем будущем в центре будут интересы труда и трудящихся. Современные общества живут уже в совершенно иных условиях, чем те, в которых возник социализм XIX века, и старый социализм не в силах разрешить задачи нашего времени. Самая форма капитализма изменилась, положение рабочих стало иным, головокружительное развитие техники породило явления, о которых Маркс не мог даже подозревать. Современные общества находятся сейчас в жестоком кризисе и в них нет ни устойчивого и прочного строя жизни, ни сколько нибудь ясных и отчетливых идеалов будущего. Фашизм есть лишь симптом процесса и искание новых методов коллективного действия. Россия же совершает небывалый в истории эксперимент создания нового коллективистического строя, в котором разверзаются пучины сатанинские. Но опыт коммунизма показывает, что русский народ обладает большим дерзновением в создании нового строя жизни, чем народы Запада, которые более умерены, более связаны своим прошлым, более охраняют свое благополучие. В русской революции раскованы злые страсти. Но в ней также разбужена творческая стихия народа.

Вот, что необходимо сознать, вот что должна почувствовать и понять молодежь, которая будет призвана к строительству будущего. Достоинство человека не допускает, чтобы он отдал себя воле космического ветра, который уносит его в неведомое и темное будущее. Человек принадлежит не только времени, но и вечности и есть в нем ценности, которые он не должен уступить никакому, самому казалось бы непреодолимому, движению истории. Таковы прежде всего ценность образа и подобия Божьего в человеке, свободы его духа и его совести, безусловное значение человеческой личности. Мировая социализирующая и организующая тенденция включает в себе много здорового и верного, совершенно необходимого, но она несет с собой и опасности, которые нужно сознать. Опасности эти — истребление массами качественного, аристократического начала культуры, подавление человеческой личности, угашение свободы духа. Было бы роковой ошибкой думать, что свобода человеческого духа и безусловное значение человеческой личности принадлежат индивидуалистической эпохе и потому должны быть сметены новой

коллективистической, универсалистической эпохой. Индивидуалистическая эпоха, в которую развернулось буржуазно-капиталистическое общество, преходяща и принадлежит времени. Ценность же духовной свободы и безусловное значение человеческой личности принадлежит вечности. Старый формальный либерализм совсем не был благоприятен для подлинной духовной свободы и привел к угашению духа. Формальная демократия сплошь и рядом ведет к нивелированию личности и к нестерпимой тирании общественного мнения. Ценность личности и ценность свободы, свободы совести, мысли, творчества — есть прежде всего ценность духовная, а не политическая, и определяется она не столько политическим и социальным строем, сколько духовным состоянием общества. Свободу духа человеческая личность не может получить из рук общества, она должна черпать ее из иного, внутреннего, от общества независимого источника. Проблема эта, взятая в глубине, есть проблема границ власти всякого общества над человеческой личностью и над ее духовной жизнью. Общество может быть организовано корпоративно и кооперативно, в жизни хозяйственной может быть социализация и власть может быть сильной — но сами границы общества, государства и социального коллектива могут быть твердо установлены. Это предполагает подчинение политической и хозяйственной жизни нравственным и духовным началам. Действительно страшен всякий механический, материалистический коллектив, — от него нет спасения и на него некому апеллировать. Языческий, античный греко-римский мир допускал безграничную власть государства - города, общества, над человеческой личностью, над ее духовной жизнью. Христианство принесло с собой новое сознание и в принципе не допускает абсолютной власти государства и общества над личностью и над духом, оно признает принадлежность человека к двум порядкам бытия и этим отстаивает его свободу. Человек не целиком, лишь частично принадлежит обществу и государству. Это и есть то, что делает христианство полярно - противоположным коммунистической идеологии, для которой социальный коллектив, коммунистическое общество есть божество, подчиняющее себе личность до самой последней ее глубины. Это есть вопрос прежде все духовный, вопрос рели-

гнозного мирозерцания. Духовная борьба против коммунизма есть защита не частной собственности и капитализма, не демократии или монархии, а прежде всего духовного принципа личности и духовного принципа свободы. Итальянские фашисты и немецкие национал - социалисты этого не понимают, потому что они язычники, они в массе своей чужды христианству. Защита духа, защита самого образа человека, подвергающегося опасности, должна быть совершенно освобождена от обязательной связи с какой - нибудь политической формой, например, с либеральной демократией. Вопрос стоит безмерно глубже. Славянофилы были горячими защитниками человеческого духа, хотя они были монархистами. Тоже можно сказать про Достоевского.

В политике все ныне стоит под знаком кризиса, все стало проблематическим. Но в жизни духа есть истины абсолютные и неизменные. Это приводит нас к вопросу о связи новых поколений молодежи с прошлым, с традициями русской мысли. Пореволюционность не должна означать абсолютного разрыва с прошлым, она должна связать себя с лучшим, что было в прошлом. Также и сознание великой миссии русского народа в новую историческую эпоху, без которого нельзя творить будущего, не должно превращаться в ненавистническое отрицание Запада и всей западной культуры, не должно принимать форму уродливого национализма, замкнутого и самодовольного. Это противоречило - бы лучшей русской традиции всечеловечности и уподобило бы нас удушливым националистам Запада. И на Западе мы многому должны учиться, но не для того, чтобы утратить свое лицо, а для того, чтобы приобщиться к более полной и многообразной жизни.

В заключение скажу еще, что непримиримая вражда к русскому большевизму должна быть прежде всего враждой духовной, а не политической и социальной. Зло большевизма прежде всего в том, что он отрицает Бога и отрицает человека, а не в том, что он так неудачно и несчастливо пытается осуществить социальную правду. Мы тоже должны осуществлять социальную правду, но осуществлять ее, помня о лице Бога и о лице человека.

Николай Бердяев.